

О. Иегер

Всеобщая история в четырех томах
Том 4. Новейшая история

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
О-11

О-11 **О. Иегер**
Всеобщая история в четырех томах: Том 4. Новейшая история / О. Иегер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 758 с.

ISBN 978-5-4241-7373-8

ISBN 978-5-4241-7373-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторія новѣйшаго времени.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Революція во Франціи.

1789—1799.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступление въ управление Людовика XVI. — Прежнее управление (ancien régime). — Созваніе государственныхъ сословій (États généraux).

Мы упоминали, что 10 мая 1774 г., недостойному сластолюбцу, Людовику XV, наследовалъ его двадцатилѣтній внукъ, *Людовикъ XVI*, и мы прослѣдили первые шаги юнаго короля, въ которыхъ выказалась безграничная добрая воля и столько ума, сколько можно было, по справедливости, ожидать отъ столь юнаго правителя и при такой обстановкѣ, какъ та, въ которой онъ выросъ. Ходъ событій, со времени Людовика XIV, облекъ короля такимъ могуществомъ, сдѣлалъ его настолько важнымъ и главнымъ центромъ государства, что нужна была необыкновенная даровитость и прозорливость для вѣрнаго употребленія такой безграничной власти: между тѣмъ, монархическое направленіе и стремленіе умовъ того времени окружило и запутало короля такимъ обременительнымъ, рабскимъ, восточнымъ этикетомъ, что тѣмъ самымъ дѣлало ему недостижимымъ все, что для правителя, казалось-бы, должно быть наиболѣе необходимымъ — возможность видѣть свой народъ и государство въ томъ видѣ, въ какомъ они есть въ дѣйствительности. Людовикъ XVI былъ человѣкъ обыденныхъ дарованій и главное—безъ силы воли; очень характерны его любимыя занятія, охота и слесарня, которую онъ приказалъ себѣ устроить и куда удалялся, чтобы усердно поработать: при томъ и другомъ занятіи не остаешься празднымъ и немного думаешь. По уму, его жена, Марія-Антуанета, дочь Маріи-Терезіи, была несравненно выше его. Но она достигла своего высокаго положенія семнадцати лѣтъ, была окружена со всѣхъ сторонъ самой изысканной лестью, и весь строй высшаго общества, во главѣ котораго она стояла, вихрь удовольствій, правило «всегда быть веселой» (être toujours gaie), дѣлавшее жизнь избраннаго общества похожей на постоянный балъ-маскарадъ, пустота салонной жизни и свѣтской представительности—не допускали ее въ первые годы царствованія до серьезныхъ занятій; она не находила ни вре-

Правленіе
Людовика
XVI отъ
1774 г.

Людвигъ XVI.
По картинѣ Дюласен.

мени, ни терпѣнія прочитатъ хотя бы одну серьезную книгу. Спрашивается, могла-ли втрое сильвѣйшая сила воли и даже гораздо болѣе ясный умъ предотвратить то бѣдствіе, которое уже давно надвигалось и выказалось въ несомнѣнномъ признакѣ своемъ въ разстройствѣ финансовъ.

Вычислено, что тогдашняя Франція, при вступленіи въ управленіе Людовика XVI, выплачивала податей въ размѣрѣ 880 милліоновъ, хотя она была въ ремеслахъ и промыслахъ вчетверо, въ земледѣліи втрое, въ торговлѣ вдвое бѣднѣе тогда, чѣмъ въ половинѣ нашего столѣтія; или указываютъ на то, что въ то время издавна привыкли расходы текущаго года покрывать доходами наступающаго. Печальною стороною, въ этомъ случаѣ, было то, что плохое состояніе финансовъ составляло не единичное зло: оно было отраженіемъ и слѣдствіемъ вполнѣ, до корня, нездороваго состоянія государства и общества.

Положеніе
Франціи.
Финансы.

Положеніе дворянства было самое роковое. Преимущества, которыми оно пользовалось, свобода отъ податей, отъ рекрутчины, безчисленныя права и притязанія на преимущества или пользованія— все, что разумѣютъ подъ феодальнымъ правомъ, бывшимъ нѣкогда платой и вознагражденіемъ за дѣйствительно трудныя или съ опасностью для жизни соединенныя услуги, за служенія лѣнныхъ дворянъ согражданамъ или вассаламъ, которыхъ они охраняли отъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей, отъ нападенія враговъ и всякихъ иныхъ насилій. Но эти времена прошли. Со времени Людовика XIV дворянство теряло все болѣе и болѣе свою самостоятельность въ отношеніи къ королю; оно тѣснилось при Дворѣ и утрачивало свое вліяніе на низшіе классы общества, отступая отъ своихъ обязанностей, сдѣлавшихся излишними при новомъ монархическомъ правленіи. Преимущества свои оно сохранило, но это породило понятное неудовольствіе и ненависть къ нему другихъ сословій.

Дворянство.

Marie antoinette

Марія-Антуанета.

По современной гравюрѣ.

Духовен-
ство.

Дворянство было не единственное привилегированное сословіе: оно раздѣляло привилегированное положеніе съ духовенствомъ, и привилегію на ненависть къ себѣ другихъ сословіи общества, ихъ отношенія къ общей Церкви и ея видимому главѣ, папѣ, и все, что придавалъ имъ священнической санъ, дѣлало ихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, самымъ привилегированнымъ сословіемъ во всемъ французскомъ государствѣ. Но и это сословіе дѣлало для народа гораздо меньше, чѣмъ встарину. Высшее духовенство,—архіепископы, епископы, высшіе аббаты,—вышедши почти исключительно изъ кружковъ дворянства, раздѣляли воззрѣнія, увеселенія, также и пороки ихъ, охотно вели праздную, свѣтскую жизнь большого свѣта; труды же, сопряженные съ духовнымъ званіемъ, всякаго рода лишенія, евангельскую нищету — предоставляли нести низшему духовенству, которое, дурно оплачиваемое, бѣдное, было какъ бы безправно сравнительно съ главами іерархіи.

Всѣ тѣ, кто не принадлежали къ привилегированнымъ лицамъ изъ духовной или свѣтской аристократіи, назывались *третьимъ сословіемъ*: и это третье сословіе было чрезвычайно разнородно по составу.

Третье со-
словіе.

Настоящее гражданское сословіе сильно разбогатѣло въ послѣднее пятидесятилѣтіе: но политическаго значенія и дѣятельности оно могло достигъ лишь на королевской службѣ, и оно дѣйствительно достигало его этимъ путемъ. Очень распространена была поэтому погоня за такими должностями, которыя пріобрѣтались нерѣдко куплею. Правительство содѣйствовало этому болѣзненному стремленію гражданъ тѣмъ, что, создавая все новыя платныя должности, обезпечивало ихъ освобожденіемъ отъ податей, тѣмъ или другимъ преимуществомъ. Это было дальнѣйшее и возрастающее зло; оно создало еще одинъ классъ привилегированныхъ—noblesse de robe, отнимало у мѣщанства значительное число именитыхъ семействъ и этимъ *посредственно* подрывало вліяніе правительства: эти чиновники, наполняя городское управленіе, суды, податныя палаты, прежде всего считали себя собственниками этихъ должностей, а не повѣренными короля или страны. Сверхъ того, граждане страдали главнымъ образомъ отъ *издавна* ограниченія свободы торговли: торговля и промышленность были вездѣ стѣснены строжайшими цеховыми правилами; даже продавщицы фруктовъ и цвѣточницы составляли цехъ, строго опредѣленный уставомъ; они были стѣснены тягостными монополіями, бессмысленными таможенными границами между провинціями, тяжкими и несправедливо-распредѣленными налогами. Тѣмъ не менѣе, благосостояніе росло въ этихъ слояхъ довольно быстро. Тѣмъ сильнѣе должны были они чувствовать, съ тѣмъ большей горечью воспринимали они общественное униженіе и пренебреженіе, съ которымъ аристократія относилась къ нимъ, такъ какъ высокоуміе ея росло по мѣрѣ того, какъ она дѣлалась безполезной для общественнаго благосостоянія.

Народъ.

Дѣйствительно, печально и постепенно ужасно становилось положеніе массы народа, крестьянъ и тѣхъ, кто жилъ трудами рукъ своихъ. Подати и сборы (taille), отъ которыхъ были свободны дворянство и духовенство, ложились подавляющей тяжестью на эти слои, не имѣвшіе уже естественныхъ защитниковъ и заступниковъ; по точнымъ вычисленіямъ

известно, что простолюдинъ платилъ впятеро или въ восемь разъ болѣе того, что онъ долженъ платить въ настоящее время; притомъ ему надо было безпрестанно опасаться возвышенія оцѣнки земли, какъ скоро онъ принимался за усовершенствованіе своего владѣнія. Его положеніе было отчаянное въ неурожайные годы; бунты отъ безхлѣбницы, съ короткими промежутками и въ различныхъ мѣстностяхъ, продолжаются во все столѣтіе. Отъ бѣдствій, которыя потомъ изъ этого происходили, отъ язвы нищенства и бродяжничества, воровства и грабежа, отъ грубости сборщиковъ податей и экзекуторовъ, и жандармеріи—простолюдинъ опять-таки страдалъ прежде всѣхъ; равно тяготила его и военная служба, отъ которой уклонялись люди побогаче, даже и не принадлежавшіе къ изъятымъ отъ нея сословіямъ. Присоединилось еще одно обстоятельство, которое, можетъ-быть, болѣе всего привело старофранцузское общество къ разложенію, то-есть къ революціи. Въ большинствѣ провинцій крестьяне сдѣлались сами землевладѣльцами. Тяжелой работой, медленно, при величайшихъ лишеніяхъ, въ тысячи мѣстностяхъ, французскій крестьянинъ достигъ своего завѣтнаго сердечнаго желанія: дворяне, разорявшіеся на жизнь при дворѣ и отъ измѣнившагося образа жизни, должны были продавать, то тутъ, то тамъ, частичку своихъ помѣстій, и между тѣмъ какъ теперь землевладѣніе дѣлится на почти равныя трети, на 183 тыс. крупныхъ, 700 тыс. среднихъ и 4 милліона мелкихъ имѣній, положеніе Франціи до 1789 г. было таково, что одна треть землевладѣнія, раздробленная до безконечности, находилась въ рукахъ мелкихъ владѣльцевъ, двѣ трети собственности въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ или обществъ изъ дворянъ, духовенства, чиновничества и денежной аристократіи. Эти послѣдніе собственники обыкновенно не сами управляли своими имѣніями, они не были уже естественными главами крестьянства; узы уваженія, которыя связывали въ прежніе дни крестьянина и сеньора, были порваны и во многихъ мѣстностяхъ замѣнились совершенно иными чувствами. Сеньоръ былъ еще самымъ знатнымъ челоукомъ въ селѣ, но его рѣдко или никогда не видѣли, потому что дворянство все болѣе и болѣе отказывалось отъ жизни въ деревнѣ; крестьянинъ же долженъ былъ отбывать барщину за землю, часть которой принадлежала теперь ему, крестьянину. На каждомъ шагу, на всѣхъ путяхъ, видѣлъ онъ себя связаннымъ правами и привилегіями этихъ господъ: они и покровительствуемые ими—были свободны отъ всѣхъ тягостей и податей, пригнетавшихъ крестьянина до земли. Почему? За что? И отъ ненавистнѣйшей службы военной, для которой крестьянинъ долженъ былъ выставять своихъ лучшихъ работниковъ, своихъ сыновей, которые послѣ долголѣтней службы, съ жалованьемъ въ шесть су въ день, при дурномъ содержаніи и немного лучшемъ обращеніи, не могли выслужить болѣе какъ унтеръ-офицерскій чинъ, между тѣмъ какъ семилѣтній сынъ господина, если онъ обладалъ громкимъ именемъ или большими связями, былъ записываемъ на службу полковникомъ съ соответствующими правами.

Если же гражданство и дворянство не имѣло политической силы и дѣятельности, то кто же управлялъ тогдашней Франціей? Мнѣніе, будто бы то, что видимъ въ нынѣшней Франціи и что называется централизаціею,— всемогущество центрального управленія, несамостоятельность и зависп-

Сила прави-
тельства.

мость всѣхъ отдѣльныхъ общинъ отъ этого центрального управленія,— есть созданіе революціи и Наполеоновской имперіи,— не вѣрно. Централизация эта существовала уже во времена старой монархіи. Король и совѣтъ министровъ, *conseil du roi*, были всемогущи: до нихъ восходили всякія, иногда очень мелкія, мѣропріятія и дѣла: во имя короля распоряжались тогда въ провинціи королевскіе интенданты и ихъ уполномоченные, какъ нынѣ префекты и помощники префектовъ въ департаментахъ. Дворянскіе *gouverneur de province* не имѣли уже при нихъ настоящей власти, но только одно почетное званіе: въ мельчайшія подробности вмѣшивались они, и такъ какъ королевское всемогущество ихъ покрывало, то всякая другая инстанція преклонялась передъ ними: даже старѣйшее учрежденіе, городское общественное устройство, должно было примириться съ нарушеніемъ своихъ правъ, ибо они завладѣли большей долей управленія судебнаго. Кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда власть находилась въ рукахъ провинціальныя и благонамѣренныхъ управителей, *intendant*, и была благодѣтельна, вообще это было большимъ зломъ, потому что починъ отдѣльныхъ частей, сила, искусство и даже стремленіе къ самопомощи, были обезсилены; привыкли всего ожидать отъ правительства, короля, и дѣлать его ответственнымъ за все, а при переполненіи такими мелочами, настоящее дѣло поздно или вовсе не дѣлалось.

Парламенты.

Большое преимущество государствъ съ народнымъ представительствомъ состоитъ въ томъ, что гласное и правильное обсужденіе государственныхъ потребностей выясняетъ имѣющіяся неустройства и этимъ уже вынуждаетъ подумать о помощи: тѣмъ, что причины разыскиваются, тѣмъ, что противоположныя мнѣнія высказываются—онѣ уже на пути къ исправленію. Такого народного представительства не было еще въ тогдашней Франціи. Король былъ единственнымъ представителемъ всего народа, и *государственные чины*, сохранившіеся въ нѣсколькихъ провинціяхъ, не имѣли значенія и очень односторонне отстаивали выгоды своего округа, но не всей Франціи. Мы уже видѣли, что высшій судъ и парламенты представляли изъ себя нѣчто въ родѣ народного представительства и свое право или свою обязанность вносить, *enregistrer*, королевскіе законы въ свои списки старались расширить въ какое-то *veto* или право отвергать: и парижское представительное собраніе въ дѣйствительности было первое стройное, — сильное общество, съ пятью палатами; въ одной первой считалось 10 предсѣдателей, 25 свѣтскихъ, 12 духовныхъ судей, съ сотнями королевскихъ и другихъ адвокатовъ и безчисленныхъ низшихъ чиновниковъ. Но имъ не доставало жизненнаго нерва, связи съ народомъ, популярности: должности были продажныя, и здѣсь, по правдѣ, были опять-таки привлеченныя, которые отстаивали свои собственныя права и только случайно, кетати, права и нужды народа. Мы упоминали, что Людовикъ XVI сдѣлалъ роковую ошибку, возстановивъ эти собранія.

Литература.
Монтескьѣ.

Между тѣмъ, какъ этому государственному собранію не доставало органа, который бы, какъ англійскій парламентъ или нынѣшнія народныя представительства, находился бы въ непрерывныхъ отношеніяхъ съ настоящей жизнью и, постоянно работая, направлялъ бы дѣла политическія,—

направляя и раздѣляя заботы съ правительствомъ—такимъ своеобразнымъ органомъ (которому недоставало практическаго знанія государственныхъ дѣлъ, но который пріобрѣталъ несоразмѣрное и роковое значеніе)—была литература. Издавна извѣстны имена трехъ лицъ, имѣвшихъ важное вліяніе на умы Французовъ, въ отрицательномъ, враждебномъ существующему порядку духѣ; но, понятно, ихъ окружало множество единомышленниковъ и послѣдователей: Монтескьё, Вольтеръ и Ж.-Ж. Руссо. Мы уже знаемъ ихъ: между ними былъ совѣтникъ парламента Монтескьё (1689—1755), который много путешествовалъ и черпалъ свои политическіе идеалы изъ Англій, самый умѣренный, самый практичный, но потому именно его сочиненія не такъ глубоко проникали въ народъ; его главное сочиненіе, тонкая сатира «Персидскихъ писемъ» (1721), разсужденіе о причинахъ возвышенія и паденія Римлянъ (1734), «Духъ законовъ», *Esprit des lois* (1749), вліяли непосредственно только на высшіе слои общества, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ.

Истиннымъ руководителемъ умовъ современной Франціи сдѣлался парижанинъ Вольтеръ. Человѣкъ необыкновенно даровитый, который легко усваивалъ себѣ все, что появлялось въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ живой, научной дѣятельности, онъ обладалъ своеобразною способностью все передавать ясно, умно, съ неумолимою остротой и ѣдкостью. Это былъ умъ критическій, отрицательный; эгоистъ, искавшій денегъ, удобствъ жизни и славы. Не чистая любовь къ правдѣ, а искренняя ненависть къ лживости, притѣсненію, неблагоуразумію, къ жестокости существующей власти, и эти-то искреннія чувства дѣлали его убѣдительнымъ, точили стрѣлы его и наитывали тонкимъ ядомъ неподражаемой французской остроты.

Вольтеръ.

Но настоящимъ пророкомъ и апостоломъ новаго духа, котораго мы смѣемъ уже назвать революционеромъ, былъ женевецъ Жанъ-Жакъ Руссо, сынъ ремесленника, плебей, протестантъ, не смотрѣвшій на жизнь съ легкостью француза, нездоровая, ни къ труду, ни къ дѣятельности неприготовленная натура. Онъ передалъ свой мечтательный идеализмъ народу, постоянно чувствовавшему безвыходность своего положенія. Настоящихъ руководителей не было, народъ и послѣдовалъ за этимъ радикаломъ и фантазеромъ—противъ желанія. Въ тѣсной рамкѣ своей онъ училъ и доказывалъ строго-послѣдовательными доводами: Мы уже упоминали, какъ поставленный Дижонской академіей на премію вопросъ, улучшились-ли нравы съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, навелъ его на обманчивый образъ человѣка, въ первобытномъ или природномъ состояніи котораго онъ, съ мнимой убѣдительностью, противопоставилъ изуродованному образованіемъ человѣчеству. Онъ восхвалялъ природу и порицалъ существующее искусственное государственное и общественное устройство. Самая дѣйствительная и опасная идея этого отшельника была его государственная теорія, *Contrat social* или государственное условіе (1762), книга, въ которой онъ, съ высокоумнымъ пренебреженіемъ къ истинной исторіи, создалъ государство разума, гдѣ права, законъ, собственность, власть—подчинены прямому произволу соединенной или всенародной воли; второе, столь же невѣроятное предположеніе,— что эта соединенная воля всегда вѣрна и честна. Послѣдователей этимъ идеямъ нашлось много;

Ж.-Ж. Руссо.

удивительная ясность и чистота французскаго языка дала большое развитіе этимъ идеямъ въ разныхъ кругахъ; свѣтскія и духовныя власти допускали совершенно свободно разсужденія; иногда, больше для виду, чѣмъ по убѣжденію, слишкомъ смѣлая книга сжигалась палачомъ по приговору духовнаго суда, или слишкомъ задорный литераторъ исчезалъ на нѣкоторое время въ тюрьмѣ по произволу королевскаго приказа объ арестованіи, *lettres de cachet*. Вредъ литературы былъ въ ея крайне-опасномъ, философски-отвлеченномъ и вполне антирелигіозномъ характерѣ. Эти незрѣлые умы, вдали отъ всякой политической жизни, не умѣли сдерживать свои мечты и взвѣшивать возможность ихъ исполненія, обсуждая основныя правила и вопросы государственныя. Ихъ сочиненія полны радикальныхъ идей; они даже опередили намного безумныя и ложныя теоріи социалистовъ девятнадцатаго столѣтія. Такъ какъ они отвергали всю исторію и находились подъ вліяніемъ Вольтера, то ихъ нападки устремились прежде всего на религію и христіанство, и неуваженіе къ религіи сдѣлалось господствующей и общею страстью. Они превзошли въ этомъ отношеніи самого Вольтера, который проповѣдывалъ нѣчто въ родѣ естественной религіи, но онъ останавливался по крайней мѣрѣ передъ понятіемъ о божествѣ; его точка зрѣнія о деизмѣ восторжествовала въ этомъ просвѣщенномъ обществѣ и быть или казаться атеистомъ сдѣлалось господствующей модой. Этой модѣ слѣдовала не оппозиція низшихъ слоевъ общества противъ привилегированныхъ, но, къ несчастію, сами привилегированные:—высшее духовенство, высшее дворянство, придворные, всѣ играли скептицизмомъ, атеизмомъ и подобными громкими идеями и словами радикальной литературы, какъ свобода, справедливость, человѣческое достоинство, человѣческія права. Однимъ изъ предметовъ разговора высшаго общества была такая именно философія; даже при лакеяхъ своихъ они, не стѣсняясь, говорили о равноправности всѣхъ людей, и тѣ изъ устъ своихъ господъ узнавали, что христіанская или католическая Церковь есть одно суевѣріе.

Свѣтлыя
стороны.

Въ привилегированномъ сословіи преобладало легкомысліе, вѣтренность, пагубная расточительность и полная безнравственность; дворянство и духовенство не исполняло того, къ чему высокое общественное положеніе обязывало ихъ въ прежнее время; они перестали быть вожаками, охранителями, умственными руководителями народа, хотя еще очень многія отдѣльныя личности сознавали свои обязанности и въ каждомъ общественномъ дѣлѣ, въ благотворительныхъ и другихъ добровольныхъ обязанностяхъ, при общественныхъ бѣдствіяхъ, они шли впереди своихъ согражданъ. По мѣрѣ того, какъ выяснялась необходимость коренныхъ реформъ государственнаго и общественнаго устройства, именно въ кругу привилегированныхъ лицъ нашлось большое число искреннихъ, умныхъ и самоотверженныхъ друзей преобразованія.

Мы видѣли, что король, самый привилегированный изъ всѣхъ, готовъ былъ на всякія жертвы; на постъ генераль-контролера финансовъ, очень важный, онъ назначилъ самаго прозорливаго и геніальнаго человѣка изъ всѣхъ сочувствовавшихъ реформамъ. Люди дальновидные сочли паденіе Тюрго несчастіемъ; но, когда въ 1777 г. банкиръ Яковъ Некеръ, гражда-

1774—1789.
Тюрго. Не-
керъ. 1776.